

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Традиционные ВЕРОВАНИЯ И БЫТ НАРОДОВ СИБИРИ

XIX — НАЧАЛО XX в.

Ответственные редакторы
кандидаты ист. наук
И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев

Ханты-Мансийская областная
БИБЛИОТЕКА

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

⁶⁸ Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья..., с. 65.

⁶⁹ Томилов Н. А. Очерки этнографии..., с. 61.

⁷⁰ Костров Н. А. Женщина у инородцев..., с. 28.

⁷¹ Там же.

⁷² Песни тобольских татар, с. 293.

⁷³ Татары Западной Сибири, с. 380.

⁷⁴ Песни тобольских татар, с. 296.

⁷⁵ Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья..., с. 65; Томилов Н. А. Туркоязычное население..., с. 51; Он же. Очерки этнографии..., с. 56—58.

В. Я. Бутанаев

К ИСТОРИИ СЕМЬИ
И СЕМЕЙНОГО ПРАВА ХАКАСОВ
(XIX — начало XX в.)

Обычное право хакасов до сих пор не было предметом специального изучения. В самых общих чертах вопрос о степных законах затрагивался в некоторых этнографических работах дореволюционных исследователей¹. Необходимо особо отметить публикацию Н. И. Иссарцева, материалы которого являются важным источником для изучения правовой системы хакасов². На основании утвержденного в 1822 г. «Устава об управлении инородцев в Восточной Сибири» в Хакасии были созданы степные думы, с тем чтобы население управлялось «по ... собственным степным законам и обычаям». В связи с этим в 1824 г. при Енисейском губернском совете были приняты «словесные показания инородческих депутатов», которые легли в основу проекта свода местных законов и обычаев, получившего официальное название «Степные законы для южных скотоводцев и промышленников и кочующих земледельцев Енисейской губернии»³. В 1839 г. он был подан «на благоусмотрение» генерал-губернатору Восточной Сибири Броневскому⁴. Почти в это же время был опубликован проект свода степных законов скотоводческих народов Восточной Сибири⁵. В изданном проекте под многими статьями законов имелись указания на источник. Благодаря этому сохранились некоторые параграфы «изложенных обычаев и законов кочевых инородцев Енисейской губернии», представляющие ценный материал для изучения их обычного права.

У хакасов существовали определенные экзогамные нормы. Счет родства велся строго по отцовской линии. Родственная номенклатура сохраняла четкое деление родственников по отцу и матери, по жене и мужу. Браки между представителями одного *сеока* не допускались. Родовая экзогамия была правилом, однако уже с середины XIX в. ее начали нарушать. На смену *сеокам* пришли фамилии. Обычное право разрешало браки между лицами даже одной фамилии, если в их родословном древе по отцовской линии до седьмого колена не прослеживалось кровного единства⁶. К началу XX в. брачный

запрет стал считаться до пятого колена. Однако по материнской линии брак разрешался в более близкой степени родства. У хакасов существовало два вида кузенных браков: с дочерью брата матери (*тайылыҕ чеенилиг*) и с дочерью сестры матери (*поле алысханы*). В 1893 г. в приходе Аскизской церкви насчитывалось более половины браков в близких степенях родства по материнской линии⁷.

В рассматриваемое время у хакасов доминировала индивидуальная малая семья, состоявшая из родителей и их детей, хотя иногда еще встречались большие патриархальные семьи. Главой семьи был старший мужчина. Дети полностью зависели от родителей. Согласно проекту свода хакасских степных законов, «родительская власть не прекращается, но ограничивается: 1) совершеннолетием детей; 2) вступлением их в брак; 3) выделом, или предоставлением им свободы снискивать себе пропитание по собственному усмотрению»⁸. Без согласия родителей сыновья не имели права вступать в брак. В противном случае они лишались наследства.

У хакасов существовали различные формы заключения брака. Основной формой являлось похищение — *тухын*, с уплатой калыма. По хакасским обычаям принято было «холостыми невесту себе в жены воровать, но все-таки обычай этот должен [был] исполняться, во-первых, — с согласия невесты и, во-вторых, — без всяких насильий, буйств и драк»⁹. Если девушка соглашалась «с известным ей молодым человеком обвенчаться без предварительного согласия родителей», то давала «задаток (*киртис*. — В. Б.): серьгу или что-нибудь другое» и назначала «день кражи ее...»¹⁰. Иногда совершали насильственное похищение — *тухтам*, без предварительного сговора с девушкой. Если девушку увозили силой и не добивались ее согласия, то жених вынужден был вернуть ее прибывшей погоне (*сүргүн*) и заплатить 25 руб. за «бесчестие».

Старинной формой заключения брака считался сговор — *саблыҕ той* (свадьба чести) или *чахсынаҕ алысханы* (брак по чести). В данном случае детей сватали в возрасте 3 или 5 лет. Со времени обручения и вплоть до совершеннолетия детей родители мальчика ежегодно весной и летом привозили сватам *арчу* — ценные подарки, продукты и вино. При сговоре *саблыҕ той* калым не платили, так как он окупался *арчой*. Накануне свадьбы невеста со своими подругами устраивала *теенджик* (своего рода девичник) и объезжала всех своих родственников, которые делали ей ценные подарки. В рассматриваемое время такие браки заключались только в байской среде. В более отдаленные времена практиковалось сватание еще не родившихся детей — *түюх худа*. Если рождались мальчики, то они должны были стать побратимами.

Среди бедной части населения существовал брак отработкой *кэбдге кирген* (букв. «вошел в зятья»). Родители невесты, у которых не было сыновей, принимали к себе в дом бедного зятя. Он обязан был работать в их хозяйстве и этим заслужить себе жену. Если за невесту просили 300 руб. калыма, то зять поступал работником к ее родным на 5 лет¹¹. Но если жених, «вступивший в семейство,

чтоб заслужить калым за невесту», сам от нее отказывался, то за время работы получал «только половину причитающейся платы»¹². Иногда бедняк женился на богатой вдове. Такая форма брака по-хакасски носила название *упке кирген* — «вошедший в наследство жены». В данном случае калым не платился.

У хакасов соблюдался обычай левирата (*халдыл*). Если умирал муж, то вдове, при ее согласии, отдавали замуж за холостого младшего брата или младшего родственника умершего. Через год после смерти мужа, на последних поминках, в юрту вдовы родственники приводили младшего деверя. По обычаю он навьючивал на спину седло и переметную суму, а в руках держал уздечку и ружье. При входе в юрту жены умершего старшего брата деверь клал седло на кровать, а из ружья стрелял в дымовое отверстие юрты. На следующий день вдове заплетали косы и устраивали небольшой *той*. При женитьбе по обычаю левирата калым не платился и раздел имущества не производился. Если при таком браке женщина оказывалась намного старше мужа, то обычаем разрешалось мужчине брать в жены ее младшую сестру или младшую родственницу (*пасты*), когда первая состарится.

Существовал у хакасов и сорорат — *пастылас*. В том случае, когда умирала жена, вдовец мог жениться на ее младшей сестре или младшей родственнице. При сорорате имущество умершей жены сохранялось в доме, а дети вырастали среди своих родственников.

Одна из форм заключения брака связана с обычаем дарения птицы *хысхылыл* — фламинго. Подстреливший фламинго, которые весной и осенью пролетают над Хакассией, мог сватать любую девушку. На птицу надевали красную шелковую рубаху, на шею повязывали красный шелковый платок и отправлялись с ней в юрту родителей девушки. Родители должны были принять подарок, а взамен отдать дочь. Калым не полагался. Если девушку не отдать, то, по хакасским поверьям, птица *хысхылыл* проклянет этот дом и дочь умрет. В данном обычае виден древний культ священных птиц, который, очевидно, не связан с тотемизмом, как предполагает Л. П. Потапов¹³. Хакасы особо почитали кукушку, турпана, дрофу, журавля, лебедя и фламинго — считалось, что они могут проклясть и наслать несчастье на людей. Кукушек и турпанов вообще не убивали, ибо считалось, что за это страдает сам стрелок. За принесенных в дом дрофу, журавля или лебедя нужно было отдарить или устроить пиршество, иначе, как считалось, убитая птица наслет проклятия. Например, если охотник приносил кому-нибудь убитого лебедя (*хуу*), завернутого в красную шелковую рубаху и подпоясанного шелковым кушаком, то его отдаривали конем. Так, в 1832 г. А. Шокоянов привез Кулерекову «в подарок застреленного лебедя по их обыкновению, за которого он, Кулереков, и отдарил вышеописанного жеребенка иноходного»¹⁴.

Заключение брака требовало уплаты калыма (кроме указанных некоторых форм). В рассматриваемое время калым (*халыл*, *халың*) платили деньгами, которые считались *хапами*. Один *хап* равнялся 100 руб. Бедняки платили треть или половину *хапа*, середняки —

один *хан*, баи давали девять *ханов* и более. У кызыльцев калым платили скотом, чаще всего по девять голов (одного коня и восемь коров). Бедняки уплачивали пять или семь голов, а баи могли дать 15 и более ¹⁶.

Калым платили или сразу, как к родителям жениха прибудет погоня (*сүргүн*) за девушкой, или во время «мировой» (*чарас*). Деньги получал отец невесты, и обычно он делил их между ее братьями. Помимо калыма жених обязан был отдать за невесту лучшего коня — *пас ат*. *Пас ат* получали отец невесты или ее родные братья. Сверх всего требовали еще 25 руб. *ат чобаа*, т. е. «за усталость лошади». Эти деньги делились между всеми участниками погони (*сүргүн*).

Наряду с калымом матери девушки дарили шелковое платье или платок. Этот подарок по-хакасски назывался *имджек аҒы*, т. е. «за грудное молоко» матери. Интересно отметить, что в настоящее время, когда калым уже исчез, *имджек аҒы* стали платить деньгами — от 50 до 100 руб.

В свадебных обрядах хакасов строго соблюдались ритуалы, связанные с заплетением волос невесты. У сагайцев и кызыльцев сразу после привоза невесты совершали *сас тойы* — нечто вроде помолвки, где невесте расплетали девичьи косички *сурмес* и заплетали две косы *тулун* — признак замужней женщины. У качинцев этот обряд совершался во время свадьбы.

Хакасы придавали большое значение женской прическе. Согласно обычаям, если девушка родит внебрачного ребенка (*сурас*), то родители ей заплетали одну косу — *киджеге*. Старые девы носили три косички — *үс сүрмес*. Замужняя женщина (но не вдова) к концам своих кос приплетала *суҒынды* — ложную косу, сплетенную из волос мужа и посаженной матери (*пазыртхан идже*). Если замужняя женщина имела братьев, то к двум косам приплетала по маленькой косичке — *тулуң сурмегі*. По поверьям, они были оберегами ее братьев и, с другой стороны, показывали ее связь со своим родом.

Другим важным обрядом на свадьбе было поклонение невесты луне и солнцу — *айҒа — күнге пазыртханы*. Этот обряд был своего рода венчанием и присягой на верность в супружестве. (Если мужчина брал вторую жену, то «венчание» перед луной и солнцем совершали, но эту жену в дом вводили через окно. Если он брал третью жену, то этот обряд не совершали ¹⁶.) После обряда поклонения луне и солнцу невесту заводили в юрту, где исполнялся обряд приобщения к огню — *отха пазыртханы*. С этих пор она становилась хозяйкой домашнего очага. Огонь в очаге юрты сына разводили от углей, которые приносили из дома отца.

Накануне основной свадьбы обычно дядя по матери — *тайы* — устраивал у себя *хыс тойы* — девичью свадьбу. Он исполнял роль посаженного отца — *пазыртхан паба*, а его жена — посаженной матери, *пазыртхан іҒе*, невесты. Из этого имитированного «дома родителей» невесту увозили на основную свадьбу — *оол тойы* (свадь-

ба парня). На третий день *оол тойы* дядя *тайы* получал подарок *парҒаа* (заднюю часть коровьей туши). Его жена, бывшая посаженной матерью невесты, отдаривалась гостинцем *чооча* — грудной частью туши коровы. Это мясо дядя тайы увозил к себе в аал, где угощал своих родственников и соседей.

Свадьба тяжело отражалась на бюджете семьи. Обычно на мясо забивали лошадь, быка и яловую корову. Поэтому родственники делали крупные подарки (*сыйыҕ*), давали лошадь или корову на мясо, на второй день свадьбы они по очереди приглашали народ на пиршество к себе домой. Этот обычай назывался *уча көдиреге*. Все подарки и материальная помощь были долговым обязательством: в свою очередь на свадьбе родственников надо было их отдарить тем же.

Родители невесты не имели права присутствовать на свадьбе. Они устраивали пиршество по приезде молодых (у сагайцев и кызыльцев сразу после свадьбы, а у качинцев — через три месяца). Эта часть свадебного обряда у сагайцев называлась *кузее*, а у качинцев — *төрҕин*. Здесь совершали основные ритуалы: жених должен был поклониться колени перед родителями невесты, выдержать три удара кнутом и с одного удара расколоть чурбан. На *төрҕин* жених привозил подарок *чооча* — целую тушу барана. Есть *чооча* приглашались все родственники. У кызыльцев подарок назывался *пазыртыҒ* и включал в себя различную одежду для родителей и братьев невесты. Когда пиршество *төрҕин* заканчивалось, родители девушки дарили дочери лошадь *изерат*, т. е. с верховым убранством, а зятя отдаривали гостинцем *нандыт* — бочонком вина и задней частью туши барана. По возвращении домой молодые созывали соседей и родственников есть *нандыт*.

Когда молодая семья обростала детьми и родители удостоверились в ее крепости, происходило выделение сына из хозяйства (*аалынаҕ сыйҒарарҒа*). Отец обязан был выделить сыну долю наследства, *үлүс*, состоявшую из скота и имущества. Давали одного ездового коня, 40—50 овец, 10—15 коров. Богатые наделяли еще косяком лошадей. Покос и пашню выделяла аалыная община. *Үлүс* давали несной, когда скот перезимовал и ожидался приплод. При выделении сына родственники отца помогали скотом. Эти подарки являлись долговым обязательством и назывались *харо*. В свою очередь, когда родственники отца выделяли своих детей, указанная молодая семья должна была отдарить их тем же. Хакасская пословица гласит: *сыйыҕ сызырын — дылыҒ* — «каждый подарок имеет равноценный отдарок».

Выделенный сын становился самостоятельным хозяином. Он имел право организовать новый аал или перекочевать в любой аал своего ведомства. Но обычно сын оставался жить рядом с отцом. В выделенном новом хозяйстве на мелкий скот ставили свои метки (*ип*). Однако лошади оставались под общей отцовской тамгой (*таҕа*). У баев, имевших сотни и тысячи лошадей, выделенные сыновья несколько изменяли отцовскую тамгу. Младший сын сохранял от-

цовские метки и тамгу, так как по хакасским обычаям он оставался при родителях в их доме и получал две доли наследства *улус* — свою и отцовскую. Вероятно, не зря по-хакасски его называют *очы* (от + чы), т. е. хранитель очага.

Когда замужняя дочь становилась матерью, то родители выделяли ей *инджи* — приданое, состоявшее из скота. Приданое обычно было пропорционально калыму или немного меньше. В среднем хозяйстве выделяли обязательно ездовую лошадь, 5—15 коров, быка, 40—50 овец и барана. Например, в 1875 г. Мойнагашева получила в надел «рогатого скота пятнадцать штук, овец сто одну, лошадей девять штук и деньгами тридцать рублей...»¹⁷ В выделении *инджи* принимали участие родственники девушки по отцовской линии, которые дарили ей скот (*кус хосаны*). Подобные подарки, как уже было сказано, со временем требовали равноценного возврата — *харо*. Однако само приданое *инджи* являлось полной и безвозмездной собственностью жены. Если жена умирала, а детей у нее не было, то приданое возвращалось ее родителям. Приданое матери, скончавшейся во вдовстве, разделялось «между всеми ее детьми обоего пола, сколько бы от разных браков их ни имела, по равным частям; родственники же ее, как было зафиксировано „Сводом“, требовать оно не могут»¹⁸.

Помимо *инджи* для девушки готовили *ис* — приданое, состоявшее из предметов домашнего обихода. За получение *ис* родителям девушки дарили одежду (*кип кизирткени*) и коня *ис харозы*, т. е. «возврат за приданое».

Укреплению материального положения молодой семьи способствовал обычай *тöргин* — поездка в гости к близким родственникам жены для получения скота. Когда рождался ребенок, то, заготовив вина и гостинцев, отправлялись в гости *торгин* к братьям жены, т. е. дядьям *тайы* новорожденного. Каждый дядя *тайы* обязательно дарил новоиспеченному племяннику скот (корову или теленка), который с этих пор становился его собственностью.

После рождения ребенка, в дни новолуния, справляли именины — *пала тойы*. Приглашенные родственники в этот день нарекали малыша именем и дарили ему подарки *тис*, т. е. «на зубок». Обычно дарили скот, который становился собственностью ребенка. Подарки *тис* были долговым обязательством, на который распространялся обычай *харо*. Когда рождались дети у родственников, то их на именинах необходимо было отдарить таким же подарком.

Колыбель для ребенка обязательно должен был делать дядя *тайы*. После этого совершали праздник первой колыбели *пизик тойы* и торжественно помещали в нее малыша. За изготовление колыбели дядю *тайы* отдаривали одеждой *ахта*. Когда ребенок достигал годовалого возраста, устраивали праздник *испик тойы*, на котором дядя *тайы* первый раз постригал волосы племяннику и делал ему подарки.

По выходе девушки замуж вступал в силу обычай избегания — *казынас*. Невестка должна была обращаться к свекру только через

третье лицо; ей запрещалось вместе с мужчинами садиться за стол, показываться без головного убора и обуви; в присутствии старших родственников она не должна была заходить на мужскую половину юрты и т. д. На невестку налагался запрет называть по имени и даже по фамилии мужа и его старших родственников.

После выделения сына из хозяйства совершался обряд «примирения», на который собирались родственники. Свекор снимал с невестки наброшенный на плечи платок, после чего она становилась перед ним на колени. Родственники подавали невестке бокал вина, который она преподносила свекру. Миртовая заканчивалась обменом поцелуями. Свекор в честь мировой дарил невестке платок, платье или скот. Подаренный скот являлся личной собственностью (*үлүс*) невестки.

Обычное право разрешало брать вторую жену, если по истечении шести лет первая жена не родит сына или останется бездетной. Когда же и от второй жены были одни дочери, то еще через шесть лет можно было брать третью жену. Более трех жен иметь запрещалось¹⁹. Многоженство практиковалось только у богатей. В конце XIX в. бай Дмитрий Абдин имел трех жен, у Харатая Тугужекова было две жены²⁰. Наряду с баями по две-три жены имели некоторые шаманы — *пугдуры*.

Большим позором для девушки считалось рождение внебрачного ребенка — *сурас*. Это выражалось в плате за нее небольшого калыма. Обычно упавали имя отца внебрачного ребенка и заставляли его жениться. Если парень отказывался, то должен был заплатить *ады-тоны* — коня и овчинную шубу — и за «бесчестие» 25 руб. Кроме того, от «незаконного» отца требовалось зарезать для роженицы барана для приготовления *мүнджук* и подарить ребенку *чӧргек* — овчинный комбинезон. Если парень не мог заплатить указанный *ады-тоны*, то аальный суд в лице главы селения *аалбазы* наказывал его 25 ударами розог по обнаженному торсу²¹.

Хакасский степной закон гласил: дети, «прижитые вне брака, должны воспитываться семейством матери до 7-летнего возраста; в сие время переходит сын на воспитание к отцу до совершеннолетия, и ежели отец находится под властью еще отца своего, то сей входит в обязанность до сказанного срока воспитывать внука своего; буде мать прижитой дочери вне брака выйдет в замужество, то вправе будет взять к себе дочь по согласию мужа, который обязан уже воспитывать и содержать ее до супружества, но награда при оном зависит от матери. Ежели мать не пожелает, выходя замуж, взять своей дочери, то она остается до совершенного возраста на воспитании семейства ее. При совершеннолетнем возрасте, буде ни отец, ни мать, ни семейство матери, ни семейство отца не пожелает наградить сына и дочери частью из имения и сего желанья своего не заявит определительно в Управе, то получают дети сии право отыскивать пропитание по произволу. Ежели мать и отец прижитых до брака вступят в супружество, то дети их получают все права наравне с прижитыми после брака»²².

Если нареченная по сговору *чаксыннан алысханы* невеста отказывалась от брака или умирала, то ее родители или отдавали вместо нее сестру, или должны были вернуть стоимость *арчи* за все годы сватовства. В том же случае, когда жених отказывался от невесты, родители ее ничего не возвращали. Если жених умирал, то нареченную невесту выдавали за кого-нибудь из его братьев²³.

В случае ухода жены от мужа ей возвращался полученный в приданое скот без приплода, а мужу должны были вернуть стоимость калыма и свадебных расходов. Дети и весь приплод от приданого оставались у мужа²⁴. Если муж разводился с женой, то помимо приданого он был обязан выплатить штраф *ады-тоны* — коня и овчинную шубу. Дети оставались в семействе отца²⁵.

За «прелюбодеяние» с замужней женщиной в пользу ее мужа взыскивался *ады-тоны* — конь и овчинная шуба — и за «бесчестие» 25 руб.²⁶ Например, в 1875 г. с К. Ачакова за «прелюбодеяния» с чужой женой взыскали за «бесчестие» в пользу мужа Чучака Сырдынова «одного коня с верховым прибором и деньгами двадцать пять рублей»²⁷. За нарушение супружеской верности женщины подвергались телесному наказанию, которое производилось ближайшими родственниками, «не снимая с них (виновных. — В. Б.) летней одежды»²⁸. За изнасилование женщины виновник платил пострадавшей стороне 25 руб за «бесчестие» и наказывался 25 прутьями на аальном суде.

Овдовевшую женщину вплоть до последних поминок, которые делали через год, называли *тул*. Вероятно, предполагалось, что в течение этого времени *тул* имела контакт с душой умершего. И лишь через год после смерти мужа она получала название *окис илчи*, т. е. вдова. *Тул* надевала свою лучшую одежду и подпоясывалась кушаком, который носила до года (иногда женщинам запрещалось подпоясываться). Траурная одежда (*тул кибі*) становилась ее погребальной (*кибен*).

После смерти мужа *тул* сажали у изголовья покойного на белую кошму или помещали в специально устроенный войлочный шатер. В левой руке она должна была держать посох, а в правой — открытые ножницы. Волосы распускались; но если у нее остались сыновья, то волосы расплетались не до конца. До семи дней *тул* должна была сидеть, не вставая с места, ее кормили и по необходимости выводили на улицу. Через семь дней ей делали вдвойню прическу и меняли одежду. Но на каждых поминках через (7, 20, 40 дней, полгода и год) *тул* обязана была сидеть в траурном одеянии на указанном месте. До сорока дней она не имела права заходить в другие дома, здороваться за руку, присутствовать на свадьбе и т. д. На сороковой день родственники приглашали *тул* к себе домой, где ее угощали и одаривали одеждой (*иһин көдирерге*)²⁹.

Вдова не могла выйти замуж до тех пор, пока не исполнится год после смерти мужа. После этого ей предоставлялась свобода выбора. Если у нее не было детей и она уходила к родителям, то по обычаю половину калыма возвращали³⁰. При вступлении вдовы в новый брак ни родственники мужа, ни ее родственники не имели пра-

ва требовать за нее в свою пользу калым³¹. Согласно обычаю, родители второго мужа дарили ее первому свекру лошадь *харазы*, т. е. «за умершую душу».

Вдова при выходе замуж могла взять с собою «приданое, платье и весь убор, умершим мужем заведенный», а «следующая ей часть из имущества мужа» отдавалась в его род³². Вдове определялась «из имущества умершего мужа пятая часть». Если же после него оставалось несколько вдов, то означенная пятая часть делилась между ними поровну³³.

Согласно обычному праву, если умирал отец, имевший малолетних сыновей и дочерей, то все имущество переходило во владение вдовы, которая считалась хозяйкой и собственницей до тех пор, пока не подрастал и не женился один из сыновей, хотя бы он был и 15—16-летнего возраста. После женитьбы сын вступал в права полного хозяина; брал за выходящих замуж сестер калым, давал им приданое, женил своих братьев, отделял их в отдельные хозяйства и т. п.³⁴

Если малолетние дети оставались сиротами, то глава селения, *аалбазы*, назначал опекуна. Обычно ставили опекуном дядю по матери — *тайы*. Он приобщал к своему хозяйству малолетних, и они жили в его доме, пока не женились, причем воспитатель брал за девушек калым и платил его за женившихся, «надеясь по своему усмотрению девиц приданым, а женившихся и отделившихся хозяйством»³⁵. В том случае, когда умирал дядя *тайы* и у него не было детей, наследство переходило к племяннику — *чеен*.

В начале XIX в. незамужние дочери получали «из оставшегося после отца имущества по одной десятой части», а остальное делилось сыновьями поровну³⁶. При отсутствии потомков мужского пола, согласно обычному праву, в наследование вступали незамужние дочери; но при выходе их замуж в посторонний род удерживалась «в пользу ближайших родственников умершего или того общества, к коему он принадлежал, третья часть наследства»³⁷. Однако в начале XX в. это положение изменилось. Н. Иссарцев отмечал, что если «остается одна девица без братьев, то при выходе замуж все наследство несет к мужу»³⁸.

При смерти бездетного человека имущество переходило к ближайшему родственнику по линии отца или матери, «а при отсутствии близких родственников — к родственникам дальним той же кости»³⁹ — по нисходящей линии до седьмого колена. При отсутствии таких родственников, как отмечалось в проекте, имущество поступало «в общий доход рода, к коему он принадлежал»⁴⁰.

Итак, обычное семейное право хакасов, неразрывно связанное с историческим развитием народа, отражало в целом правовую систему патриархально-феодалных отношений с сильно выраженными родовыми пережитками. Многие юридические обычаи хакасов (калым, плата «за грудное молоко» матери, *ады-тоны* за развод и т. д.) имеют параллели в правовых системах других скотоводческих народов Южной Сибири, что свидетельствует об общих условиях их исторического развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар.— Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г., т. 1. Казань, 1884, с. 208—248; Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (отчет о поездке 1894 г.).— Живая старина, 1895, т. 5, вып. 3-4, с. 297—348; Яковлев Е. К. Этнографический обзор долины Южного Енисея.— Минусинск, 1900; Лапко Д. Э. Преступления и наказания по степному праву сибирских кочевых инородцев (Минусинские татары).— Изв. Красноярского подот. ВСОРГО, 1906, т. 2, вып. 1, с. 17—73; и др.

² Иссарцев Н. И. Материалы к изучению обычного права инородцев Минусинского уезда.— Сиб. наблюдатель, 1905, кн. 3, с. 32—46.

³ ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 189, л. 14.

⁴ Там же, д. 62, л. 3.

⁵ Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири (проект).— Слб., 1836.

⁶ Патачаков К. М. Семейно-родственные отношения у хакасов.— В кн.: Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981, с. 99.

⁷ ХакНИИЯЛИ, рукописный фонд, № 111, л. 35.

⁸ Свод степных законов..., с. 15.

⁹ ГАХАО, ф. и-5, оп. 1, д. 23, л. 17.

¹⁰ Там же, д. 33, л. 202.

¹¹ ХакНИИЯЛИ, рукоп. фонд, архив А. А. Ярлова, № 706.

¹² Свод степных законов..., с. 57.

¹³ Потяпов Л. П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения убитого лебедя у хакасов) — СЭ, 1959, № 2, с. 18—30.

¹⁴ ГАХАО, ф. и-2, оп. 1, д. 132, л. 12.

¹⁵ Наши полевые материалы.

¹⁶ Сообщение Чаптыковой П. П.

¹⁷ ГАХАО, ф. и-2, оп. 1, д. 1107, л. 4.

¹⁸ Свод степных законов..., с. 47.

¹⁹ Свод степных законов..., с. 5.

²⁰ Иссарцев Н. И. Материалы к изучению обычного права..., с. 41.

²¹ Наши полевые материалы.

²² ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 189, л. 14—15.

²³ Наши полевые материалы.

²⁴ ГАХАО, ф. и-5, оп. 1, д. 31, л. 1—3.

²⁵ ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 189, л. 10.

²⁶ Свод степных законов..., с. 33.

²⁷ ГАХАО, ф. и-2, оп. 1, д. 1107, л. 18.

²⁸ Там же, д. 1209, л. 4об.

²⁹ Наши полевые материалы.

³⁰ Островских П. Этнографические заметки..., с. 333.

³¹ Свод степных законов..., с. 11.

³² Там же, с. 50.

³³ Там же.

³⁴ Иссарцев Н. И. Материалы к изучению обычного права..., с. 42.

³⁵ Там же.

³⁶ Свод степных законов..., с. 47.

³⁷ Там же.

³⁸ Иссарцев Н. И. Материалы к изучению обычного права..., с. 43.

³⁹ Там же, с. 44.

⁴⁰ Свод степных законов..., с. 50.